

Ван Чанцзян, вне всяких сомнений, был человеком честным. Честным до такой степени, что это граничило с бесхребетностью. Поэтому, сидя перед щеголеватым и лощеным Линь Санем, у Чанцзяна даже мысли не возникло: «Этот подонок когда-то поматросил и бросил мою сестру, я, как шурин, обязан набить ему морду, чтобы выпустить пар». Напротив, он чувствовал себя очень скованно и вел себя подчеркнуто вежливо.

За обеденным столом Ван Яо молча ел, а разговорчивый Линь Сань тем временем незаметно перевел тему на работу Ван Чанцзяна. Стоило коснуться этой темы, как Чанцзян принялся то и дело вздыхать. Немного выпив, он уже не мог сдерживать желание выговориться.

Он рассказал Линь Саню:

— На заводе в последние годы дела идут всё хуже и хуже. Сейчас на складах-холодильниках молоко скопилось горами, продать его никак не получается.

— Молоко — продукт скоропортящийся, если срок выйдет, будет беда, — заметил Линь Сань.

— И не говори, — Ван Чанцзян покачал головой, на его лице отразилась крайняя озабоченность.

Молокозавод «Дашуйню» (Большой Буйвол) в Жунчэне был государственным предприятием среднего и крупного масштаба: шесть тысяч рабочих, пятнадцать ферм, три производственные линии. Основной продукцией были свежее молоко в бутылках, соки и напитки. Несколько лет назад, в период своего расцвета, завод практически монополизировал поставки молока в Жунчэне и соседних городах.

Однако с течением времени и появлением других молочных компаний «Большой Буйвол» начал терять былое величие. Теперь дошло до того, что на заводе едва хватало средств на выплату зарплат рабочим.

— На самом деле, решение этой проблемы есть, — вдруг задумчиво произнес Линь Сань под вздохи Ван Чанцзяна.

Ван Чанцзян вскинулся:

— Что?

— Я говорю, у меня есть способ помочь вам снова открыть каналы сбыта и заставить жителей Жунчэна вспомнить о молоке нашего завода «Дашуйню».

Чанцзян посмотрел на уверенного в себе Линь Саня, которому разве что не хватало только расхохотаться в небо и начать размахивать руками, раздавая указания, и почти с нетерпением спросил:

— Какой способ?

Линь Сань ответил, что сейчас объяснять бесполезно.

— Давай так: завтра иди к своему директору и скажи, что я хочу встретиться с ним лично, чтобы обсудить сотрудничество.

Глядя на такого самоуверенного Линь Саня, Ван Чанцзян, словно под гипнозом, согласился не раздумывая. При этом старина Чанцзян так разволновался, что выдал:

— Если ты и правда сможешь оживить наш завод, все рабочие будут благодарить твоих предков до восьмого колена!

Линь Сань:

— ...Ха-ха, ну, не стоит быть настолько вежливыми.

После обеда Ван Чанцзян поспешно ушел, а Линь Сань еще немного поболтал с Ван Яо. Он участливо расспрашивал его о жизни и учебе:

— Как тебе в общежитии, привык? Никто не обижает? Если кто полезет — сразу говори мне, я его быстро в чувство приведу.

— Нет, соседи по комнате ко мне очень добры.

— Вот и славно, — кивнул Линь Сань. — Мы первые в драку не лезем, но и в обиду себя не даем. Если тебя реально прижмут, обязательно скажи.

У Ван Яо словно шея одеревенела, и только спустя долгое время он едва заметно кивнул. После этого Линь Сань, как заправский отец, еще полчаса читал ему наставления, а под конец всучил Ван Яо пакет с перекусом. Там был импортный шоколад, печенье, молочные пастилки, сушеный инжир, боярышник в сахаре и две банки солодового молока (Макруцзин) — жутко популярного в те годы напитка, который, как считалось, невероятно полезен для здоровья.

— Вернешься в общежитие — угости своего друга Циня, ну и остальных соседей, одноклассников там. Не жадничай, — сказал Линь Сань. — Закончится — я еще куплю.

Ван Яо закусил губу и тихо проронил:

— Спасибо.

— Ась? — этот тип напротив был на редкость вредным: всё он прекрасно расслышал, но прикинулся глухим.

Лицо Ван Яо мгновенно залилось краской от смущения, и больше он не проронил ни слова.

Плюс честных людей в том, что если ты им что-то поручаешь, они реально это делают. Спустя пару дней Линь Сань получил весточку от Ван Чанцзяна: директор молокозавода согласен на встречу. На следующий день Линь Сань, прихватив Чэнь Лана, официально отправился с визитом. Директора звали Мэн Сицзюнь, ему было за пятьдесят, и выглядел он весьма интеллигентно.

Как говорится, встречаются по одежке. Чтобы переговоры прошли успешно, Линь Сань сменил свой привычный прикид. Они с братишкой Ланом оба облачились в черные костюмы. Разница была лишь в том, что Линь Сань в костюме выглядел как солидный босс, а Чэнь Лан — как водитель этого самого босса.

— Чанцзян — наш ветеран, — начал Мэн Сицзюнь. — Я слышал от него, что у вас есть способ спасти наш завод от краха?

— Совершенно верно, — Линь Сань с важным видом слегка улыбнулся. — Не знаю, слышали ли вы, директор Мэн, одну фразу...

— Какую фразу? — спросил Мэн.

Линь Сань:

— «Утки первыми узнают, что вода в реке потеплела».

«За оградой из бамбука — пара персиковых веток, утки первыми узнают, что вода в реке потеплела». Это строки из стихотворения Су Ши, поэта династии Северная Сун, «Вечерний вид на весеннюю реку».

В будущем эти же строки станут названием одной из новелл в киноальманахе «Я и мои родители». Там рассказывалось о главном герое, который снял рекламный ролик для ТВ, благодаря чему продажи целебной настойки взлетели до небес. Раз уж у них настойка пошла нарасхват, Линь Сань верил: с молоком фокус сработает точно так же.

— Реклама? — услышав это, директор Мэн, кажется, разочарованно притух, и его энтузиазм по отношению к Линь Саню мгновенно поубавился. Он горько усмехнулся: — Вы думаете, мы этого не пробовали? Сейчас на нашем местном канале каждый вечер около семи крутят сорокавосемисекундный ролик, за который наш завод заплатил немалые деньги!

И это была правда. Фильм «Утка узнает первой» рассказывал о семидесятых годах, а на дворе стоял конец восьмидесятых. Реклама как явление уже не была для людей чем-то диковинным.

Но...

— То барахло с бегущей строкой на зеленом фоне, что вы крутите, рекламой называть нельзя, — уверенно заявил Линь Сань. — Директор Мэн, а теперь, пожалуйста, внимательно послушайте мое предложение.

Линь Сань выложил на стол официальный контракт.

В документе было прописано: на первом этапе он «безвозмездно» снимает телевизионный ролик для завода «Дашуйню». Если в течение месяца после выхода рекламы объем продаж молока превысит среднемесячный показатель прошлого года в два раза, Линь Сань получает комиссионные в размере 1% от выручки. Если в три раза — 2%, а если в четыре раза — то все 5%. Глядя на цифры в контракте, Мэн Сицзюнь, честно говоря, пребывал в полном недоумении. Он решил, что Линь Сань несет какую-то международную ахиною: за месяц догнать годовую выручку завода? Да он бредит.

В душе Мэн Сицзюнь только фыркнул.

Спустя час Линь Сань и Чэнь Лан покинули кабинет в прекрасном расположении духа. Переговоры прошли успешно, Мэн Сицзюнь согласился. А чего бы ему не согласиться? Завод ведь в любом случае ничего не терял.

— Брат Сань, ты реально умеешь снимать рекламу? — братишка Лан смотрел на него с таким обожанием, будто Линь Сань был непризнанным гением всех искусств.

— Понятия не имею, ни разу не пробовал, — расхохотался Линь Сань.

Да он не то что не снимал, у него сейчас даже оборудования и денег на съемки не было.

Но это ерунда — на этот счет у него, очевидно, всё было просчитано заранее.

Как уже говорилось, за два месяца работы в «Красной романтике» Линь Сань, благодаря своему зычному голосу, забойным танцам и разбитному характеру, успешно заработал себе имя в клубной тусовке Жунчэна. Проще говоря, у него появились «фанаты».

Среди них было несколько студентов из Жунчэнского профессионального училища искусств и ремесел. И, судя по всему, ребята были из весьма обеспеченных семей — иначе откуда бы у них взялись деньги на гулянки в «Романтике»?

Хотя в названии заведения фигурировали «ремесла», на деле это был многопрофильный художественный вуз, и там был факультет «Фотографии и видеоискусства».

У Линь Саня оборудования не было, а у них — было!

Чего всегда в избытке у модной молодежи, так это страсти к новизне и энтузиазма. К тому же Линь Сань был мастером «рисовать золотые горы». Одному он нашептывал: «Младший брат, я в тебе сразу талант разглядел, ты будущий Спилберг, все мировые награды соберешь. Но путь в тысячу ли начинается с первого шага, так что начни пока с рекламы...»

Другому втирал: «Не смотри на рекламу свысока, если снять грамотно — это чистое искусство, а вы как раз кажетесь мне людьми искусства».

Молодежь под таким напором красноречия сдалась без боя. Более того, они сами пообещали притащить оборудование, найти локации, вкалывать до седьмого пота, да еще и денег за это не просить.

— Так вы можете нам наконец сказать, что за рекламу мы будем снимать? — с предельно серьезным видом спросил Ван Ян, лидер этой компании юных творцов.

Какую рекламу? На лице Линь Саня заиграла солнечная, открытая улыбка.

— Ясное дело — она должна быть диковинной и веселой!

<http://bllate.org/book/16514/1501273>